

АГО КЮННАП (Вана-Куусте)

ПОКАЗАТЕЛИ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАМАСИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель настоящей статьи — описать показатели множественного числа имен существительных в камасинском языке, рассмотреть употребление этих показателей и выявить их происхождение. В основном сравнительно-исторический анализ ограничивается рамками южносамодийских языков и доходит только до южносамодийского праязыка. Материалом для анализа послужили источники, список которых дан в конце статьи.

Существительные в камасинском языке имеют три показателя множественного числа.

1. (К) *-je'*, *-je-*, (Д) 1) *-i'*, *-ie'*, *-i'*, *-i'*, *-i'*, *-i'*, *-i'*, *-i'*, 2) *-ii*, 3) *-i'*, 4) *-i*, 5) *-i*, *-i*, *-i*, 6) *-i'u'*, *-ie'*, *-i'*, 7) *-i'*, (А) 5) *-i*, *-i*, *-i*, *-i*, *-i*, 6) *-ju'*, 8) *-i'*, *-i*, *-i*, *-i*.¹

Мы располагаем данными об употреблении этого показателя только в абсолютном склонении. Возможно, что у М. А. Кастрена есть намек на употребление его и в посессивном склонении.² Показатель следует за основой, предшествуя в косвенных падежах падежным окончаниям, например, (К) *nege-je'* (ном. мн. ч. от *ne'* 'Adler'), *sirä-je-gän* (лок. мн. ч. от *sirä* 'Schnee'), (Д) *k'urub^u-i'u'* (ном. мн. ч. от *k'turup* 'Grube'), *däyâ-i-m* (акк. мн. ч. от *däyâ* 'Fluss'), (А) *k'ä-dä-i* 'ногти', *pa-i-n tö-ndu'* 'у деревьев'. При этом, по М. А. Кастрену, рассматриваемый показатель присоединяется всегда к гласной основе слова, несмотря на наличие или отсутствие согласной основы. У К. Доннера и автора настоящей статьи он в большинстве случаев тоже присоединяется к гласной основе. Например, (К) *nute-je'* (ном. мн. ч. от *nut* 'Donner': ген. ед. ч. *nute-n*), (Д) *šurğed^a-i'* (ном. мн. ч. от *šurğet* 'Ellbogen': ген. ед. ч. *šurğedä-n*), (А) *đijeri*yi*-i'* 'русские' (от *džiri-k* 'русский': ген. ед. ч. (ожидаемый) *-γš-n*). У К. Доннера встречаются случаи присоединения и к согласной основе, например *bēgäl-i'* (ном. мн. ч. от *bēgäl* 'Rücken': ген. ед. ч. *bēgälä-n*), ср. (К) *bögele-je'* (ном. мн. ч. от *bögel* 'Rücken': ген. ед. ч. *bögele-n*).

¹ В записях камасинского языка, сделанных автором статьи, употребляется традиционная фонетическая транскрипция уральских языков; знаком ' автор обозначает слабый, часто лишь чуть слышимый гортанный смычный звук.

² А. Schiefner, M. Alexander Castrén's Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1854, стр. 327—328.

В более первичной форме рассматриваемый показатель явно зафиксирован у М. А. Кастрена: *je'*, *je*.³ При этом форма *je'* выступает только в номинативе, в косвенных падежах употребляется *je*, ср. например: *daga-je'*, *daga-je-m* (ном., акк. мн. ч. от *daga* 'Fluss'). Следовательно, первая форма выступает всегда в абсолютном конце слова, вторая — перед начальным согласным падежного окончания. Но отсутствие гортанного смычного в форме *je* не является результатом влияния последующего согласного, поскольку конечный *'* основы в этой же позиции сохраняется, например, (К) *aspa'-n*, *aspa'-de* (ген., лат. ед. ч. от *aspa'* 'Kessel'), но ср. (К) *sirä-je-n*, *sirä-je-ne* (ген., лат. мн. ч. от *sirä* 'Schnee'). Следовательно, *je'* и *je* представляют собой не фонетические варианты, а две отдельные грамматические формы показателя множественного числа. Позже в исходных формах *je'*, *je* произошел ряд фонетических изменений, результаты которых можно схематично изобразить в следующем виде: 1) *jV'*, 2) *jV*, 3) *V'*, 4) *V*, 5) *'V*, 6) *'jV'*, 7) *j'V'*, 8) *j'V*. Под влиянием гармонии гласных и все углубляющейся непоследовательности произношения⁴ гласный *e* исходных форм заменен рядом других гласных. Изменению *e > i* способствовало ассимилирующее влияние начального *j* рассматриваемого показателя. Сам *j* мог стать гортанным смычным.⁵

В конце концов место нахождения гортанных смычных стало неустойчивым и они могли перемещаться с места на место, а также исчезать. Варианты показателя множественного числа, потерявшего определенный образ, стали употребляться как в номинативе, так и в косвенных падежах, например: (Д) *ulār-i* 'die Schafe' (ном. мн. ч.), *nāβ²-i'žē* (инстр. (= инструментальный пад.) мн. ч. от *nāβ²* 'Ente'), (А) *k'u'²i* 'уши' (ном. мн. ч.), *kōrize-²ju'* 'куры' (ном. мн. ч.).

По предположению И. Н.-Шебештьен, гортанный смычный *-²* в слове (Д) *t'o'iu* 'die Renntiere' (ном. мн. ч. от *t'o*, *t'o* 'Renntier') представляет собой след согласного основы **η*, который имеет этимологические соответствия и в ненецком языке. Показателем множественного числа в данном слове она считает *iu*.⁶ По нашему мнению, сохранение следов первичного согласного основы **η* лишь в форме номинатива множественного числа *t'o'iu*, в то время как ни в одной другой известной нам форме слова *t'o*, *t'o* они не сохранились, мало вероятно. Более вероятно, что здесь мы имеем дело с показателем множественного числа *-iu* (< **je'*). И. Н.-Шебештьен высказала также предположение, что в предложении (Д) *bost² p'ā bajst², dūpi p'a'i p'a'ibi, šugund² hēmbi* 'selbst [ging sie] Holz zu hacken, frisches Holz hackte sie, tat in das

³ Ср. А. J. Joki, Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, Helsinki 1944, стр. 171.

⁴ Об этих явлениях см. подробнее А. Кюннап, О непоследовательностях в произношении современного камасинского языка. — СФУ I 1965, стр. 47—52; B. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm 1960, стр. 491—492; А. J. Joki, указ. раб., стр. 123—124.

⁵ Р. Hajdú, Noch einmal über den Stimmbandverschlusslaut im Jurakischen. — ALHung. VII 1957—1958, стр. 271; А. J. Joki, указ. раб., стр. 168.

⁶ I. N.-Sebestyén, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs. — ALHung. VII 1957—1958, стр. 294.

Feuer' *i* в слове *p'a'i* — деривационный суффикс.⁷ Анализируя *p'a'i*, она явно рассматривает его как форму единственного числа. В том же предложении мы находим *p'á*, которое действительно стоит в номинативе единственного числа. Но *p'a'i* — это номинатив множественного числа от *p'á*, *p'ã* 'Baum, Holz, Wald'. На это указывают и собранные нами новые данные по камасинскому языку, например, (A) *džiĵe-gan vsã-kij p'a'i-bar au-zê-rtêp'o'ju* 'в лесу всякие деревья растут', где *p'a'i* 'деревья' — номинатив множественного числа от *pà*, *p'a*, *p'á*, *p'ã* 'дерево' с показателем множественного числа *-i*.⁸ Ср. и (A) *deze-ŋ-bar p'a'i-balituzi-abi'i* 'они дрова топором рубили' (точнее 'они деревья топором делали'). Но если даже допустить, что *i* в слове *p'a'i* — деривационный суффикс, останется неясным, что представляет собой ' . Толкование этого гортанного смычного как следа первичного согласного основы или деривационного суффикса мы считаем мало вероятным по тем же причинам, которые изложены выше при рассмотрении происхождения ' в слове *t'o'ju*.

2. (K) *-saŋ, -sãŋ, -zaŋ, -zãŋ, -saŋ-, -sãŋ-, -zaŋ-, -zãŋ-,* (Д) *-saŋ, -sãŋ, -seŋ, -sãŋ, -zãŋ, -zaŋ, -zãŋ, -zeŋ, -zaŋ-, -zãŋ-, -zvŋ-, -šãŋ-,* (A) *-sãŋ, -sèŋ, -zãŋ, -zãŋ, -zãŋ, -zãŋ, -zeŋ, -zèŋ, -zèŋ, -šèŋ-*.

Этот показатель множественного числа употребляется как в абсолютном, так и в посессивном склонении. Он следует за основой, предшествуя падежным окончаниям и посессивным суффиксам (при их наличии), например (K) *na'b-zaŋ* (ном. мн. ч. от *na'b* 'Ente'), *sirã-zãŋ-gã* (абл. мн. ч. от *sirã* 'Schnee'), *tura-zaŋ-ba* (ном. мн. ч. с посессивным суффиксом 1-го лица ед. ч. от *tura* 'Stube'), (Д) *t'o-zaŋ* 'die Renntiere', *dãŋã-zãŋ-ze* (инстр. мн. ч. от *dãŋã* 'Fluss'), *ulãr-zaŋ-na* 'deine Schafe', (A) *têbê-ze-ŋ* 'мужчины', *k'u-zaŋ-dê* 'его уши'.

Но в отличие от предыдущего показателя множественного числа *je'* и т. д. этот присоединяется при наличии у слова двух основ — гласной и согласной — всегда к согласной основе, например, (K) *kader-zaŋ* (ном. мн. ч. от *kader* 'Flügel': ген. ед. ч. *kadere-n*), (Д) *mã-zãŋ* (ном. мн. ч. от *mã* 'Zelt': ген. ед. ч. *mãdã-n, mãã-n, mã-n, ma-n, mã-n*), (A) *mên-zèŋ-dî* 'его собаки' (от *mên* 'собака': ген. ед. ч. (Д) *mênã-n*).

Основы двух имен существительных выступают перед этим показателем в необычной форме: (Д) *essãŋ, ešãŋ, èzãŋ* 'die Kinder' (от *ẽšã, ẽšã, ešã* 'Kind'), (A) *essè-ŋ* 'дети', *eššëndê* 'его дети' (от *ẽšĩ* 'ребенок', *ešši-zi* 'с ребенком') и (Д) *k'opsãŋ, k'o'psãŋ* 'die Mädchen' (от *k'o^{BDO}, k'o^{BD}, ko^{bdo}, ko^{bd}* 'Tochter, Kind'), (A) *kovsã-ŋ, k'ovzã-ŋ* 'девочки' (от *k'o-pto, koptõ, k'o-pta, koptõ, koptõ* 'девочка, дочь').

Различные варианты рассматриваемого показателя — это фонети-

⁷ I. N. - Sebestyén, Attributive Konstruktionen im Samojedischen. — ALHung. IX 1959, стр. 43, 47.

⁸ Удлинение гласного (Д) *i* > (A) *i* — результат наблюдаемого в современном камасинском языке перемещения ударения на последний слог, ср. и (A) *deŋ ikkõ-kroš-pa'i-nuga'i* ~ *deŋ ikkõ-kroš-pa'i-nuga'i* 'там много крестов стоит' (точнее 'там много крест-деревья стоят'); см. подробнее А. Куппар, Tänapäeva kamassi keelest. — ESA 11 1965, стр. 255, примеры стр. 257—261.

ческие варианты, образовавшиеся под влиянием соседних звуков, гармонии гласных и непоследовательности произношения.

3. (Д) *-lar*, (А) *-lar*. Показатель выступает только в единичных словах: (Д) *mādor-lar* 'die Motoren, das Motorenvolk' (от *mādor* 'Motor-Samojede'), (А) *tavar-la-r* 'татары'.

Рассмотрим соотношение употребления приведенных выше трех показателей. В тех единичных словах, где употребляется *lar*, *tar*, остальные показатели множественного числа не встречаются. Показатели *je'* и т. д. и *saŋ* и т. д. представляют собой обычные числовые показатели камасинского языка. Соотношение употребления их довольно сложно.

В парадигмах спряжения у М. А. Кастрена и К. Доннера из форм множественного числа обычно приводится только номинатив, который у М. А. Кастрена оформлен в абсолютном спряжении всегда параллельно и при помощи *je'* и т. д. и *saŋ* и т. д., например: *tagai-zaŋ* ~ *tagai-je'* (от *tagai* 'Messer'). В абсолютном спряжении такое параллельное оформление номинатива встречается иногда также у К. Доннера и автора данной статьи, например: (Д) *mā'-zaŋ* ~ *mād'-i'* (от *mā'* 'Zelt'), (А) *tēbi-zē-ŋ* ~ *tēbē-i* 'мужчины, мужики' (от *tē-be* 'мужчина, мужик'). В единичных случаях М. А. Кастрен и К. Доннер приводят и косвенные падежи множественного числа; у М. А. Кастрена в абсолютном спряжении всегда наличествует только параллельное оформление, например: *sirā-zāŋ-gā* ~ *sirā-je-gā* (абл. мн. ч. от *sirā* 'Schnee'); такое же оформление можно здесь встретить у К. Доннера, например: *dāyā-zaŋ-d'* ~ *dāyā-i-nə* (лат. мн. ч. от *dāyā* 'Fluss'). Рассматривая абсолютное склонение камасинского языка, М. А. Кастрен отмечает, что *je'* — менее обычный показатель множественного числа, чем *saŋ*, *sāŋ*, *zaŋ*, *zāŋ*.⁹ Но это его утверждение не обязательно толковать так, что *je'* — менее обычный показатель множественного числа в абсолютном склонении, что не подтверждается и приведенным у него языковым материалом (ср. выше). Возможно, М. А. Кастрен имел здесь в виду более редкое употребление *je'* в камасинском языке вообще, так как этот показатель не употребляется в посессивном склонении. Поэтому мы считаем, что отсутствие показателя *je'* и т. д. в посессивном склонении — единственная закономерная разница между сферами употребления показателей *je'* и т. д. и *saŋ* и т. д. Бросается в глаза тот факт, что в материалах К. Доннера и автора настоящей статьи одни слова оформляются в абсолютном склонении только при помощи *je'* и т. д., а другие — только при помощи *saŋ* и т. д., например: (А) *atbuŋa-i* 'соболя', *jama-i* 'сапоги', (Д) *p'a-i* (ном. мн. ч. от *p'a* 'Baum, Holz, Wald'), (А) *p'a-i* 'деревья', но (Д) *es-səŋ* 'die Kinder', (А) *es-sē-ŋ* 'дети', (Д) *nī-zeŋ* 'die Kinder', (А) *nī-zē-ŋ* 'парни, сыновья'. Но какая-либо закономерность в выборе того или иного показателя здесь, на наш взгляд, отсутствует.

А. Дрегваль и А. Матвеев сделали попытку выяснить закономерности соотносительного употребления показателей *je'* и т. д. и *saŋ* и т. д. на основе значений слов, к которым эти показатели присоединяются.¹⁰

⁹ А. Schiefner, указ. раб., стр. 179.

¹⁰ А. А. Дрегваль, А. К. Матвеев, О некоторых особенностях употребления форм множественного числа в камасинском языке. — СФУ III 1967, стр. 41—43.

Но большинство их семантических доводов, на наш взгляд, неубедительны, так как выступают крайне непоследовательно. Последнее обстоятельство частично признают и сами авторы. Кроме того, А. Дрегваль и А. Матвеев слишком сузили рассматриваемый языковой материал, исключив из него данные М. А. Кастрена. А результаты анализа именно этих данных еще больше уменьшают последовательность предполагаемых авторами закономерностей. Дело в том, что большинство имен существительных в парадигмах склонения у М. А. Кастрена можно отнести к тем пяти семантическим группам, которые выделены авторами как сфера употребления показателя *saŋ* и т. д. у К. Доннера. Кроме того, у М. А. Кастрена можно выделить еще одну подобную семантическую группу, а именно группу диких зверей и птиц: *kozan* 'Hase', *na'b* 'Ente', *he'* 'Adler', *tažeb* 'Eichhorn'. Но как уже было сказано выше, формы множественного числа имен существительных в абсолютном склонении выступают у М. А. Кастрена всегда параллельно оформленными при помощи обоих рассматриваемых показателей.

М. А. Кастрен считал, что камасинский показатель множественного числа *je'* несомненно самодийского происхождения.¹¹ По мнению Б. Мункачи, в случае камасинского *je* мы имеем дело с общим для самодийских языков показателем множественного числа **j* (**i*), к которому в форме *je'* присоединен второй общий для самодийских языков показатель множественного числа **d* (**t*).¹² П. Алврэ также объединяет камасинский показатель *je* с показателем множественного числа *ji, i, i* самодийских языков.¹³ В рамках южносамодийских языков Б. Мункачи и П. Алврэ объединяют камасинский *je* с селькупским показателем множественного числа *ji, i, i*, например: (К) *loga-ji-m, loga-i-m* 'meine Füchse'. П. Алврэ сводит камасинский *je* с показателем множественного числа *i* всей группы уральских языков.¹⁴ По предположению Б. Викмана, камасинский показатель множественного числа $i' < *i + *t$.¹⁵

М. А. Кастрен предполагал, что камасинский *je* по своему характеру — собирательный суффикс.¹⁶ По мнению П. Алврэ, камасинский *je* происходит от собирательного суффикса: камасинский *je* < самодийский **jā* или **jə* < уральский **ja, jā*. От собирательного суффикса **ja, jā* происходит, по его предположению, все множественное число на *i* в уральских языках.¹⁷

Показатель множественного числа существительных (К) *ji, i*, (П) *i, i* употребляется в селькупском языке только в посессивном склонении, чередуясь в диалектах с показателями (К) *ni, la*, например (К) *loga-ji-m, loga-i-m, loga-ni-m, loga-la-m* 'meine Füchse':

В абсолютном спряжении имен существительных селькупского языка выступают, чередуясь (частично по диалектам), показатели множественного числа (К) *t, de, n, la, l, lmi*, (П) *t, ti, n, lmi*. (Д) *-saŋ, -šag, -šəŋ, -šəŋ*, например: (К) *loga-la, loga-t* (ном. мн. ч. от *loga* 'Fuchs') :

¹¹ A. Schiefner, указ. раб., стр. 179.

¹² B. Munkácsi, *Az altaji nyelvek számképzése*. — *Budenz-Album*, Budapest 1884, стр. 295, 299—300.

¹³ P. Alvre, *Zur Frage nach der Entwicklung *ja, jā > i in den uralischen Sprachen*. — СФУ I 1965, стр. 17.

¹⁴ Там же, стр. 15—19.

¹⁵ B. Wickman, *The Form of the Object in the Uralic Languages*, Uppsala 1955, стр. 138.

¹⁶ A. Schiefner, указ. раб., стр. 109.

¹⁷ P. Alvre, указ. раб., стр. 18—19.

loga-de-n (ген. мн. ч.), (П) *ātā-lmī* 'die Renttiere', (Д) *kūttā-saη* 'Fichtengehölz' (точнее 'die Fichten').¹⁸

М. А. Кастрен предполагал, что в селькупском языке показатель *ni* происходит от показателя *ji*.¹⁹ По мнению Ю. Марка, могло произойти развитие *ni > ji > i*.²⁰ Б. Коллиндер считает вероятным, что показатель *ni* состоит из коаффикса посессивных суффиксов *n* и показателя множественного числа *i*.²¹

Из возможностей *ji > ni* и *ni > ji* более вероятна *ni > ji*²², но вероятнее обеих *n + i > ni*²³, причем мы предполагаем, что *i* в свою очередь происходит от *ji*. Происхождение компонента *n* представляется нам не совсем ясным.

На наш взгляд, камасинский показатель *je* и селькупский показатель *ji, i, i* (предположительно также компонент *i* в показателе *ni*) происходят от показателя множественного числа **jV* ($\sim *j$) южносамодийского праязыка.²⁴ Можно предположить, что показатель **jV* ($\sim *j$) происходил, в свою очередь, от собирательного суффикса, особенно если иметь в виду предположения, что показатели множественного числа имен существительных *saη* и т. д. в камасинском языке, *saη, šag, šəη, šəη* и *la* в селькупском языке происходят также от собирательных суффиксов.²⁵

Составную часть 'камасинского показателя *je*', которая первоначально могла выступать лишь в номинативе, можно сопоставить с селькупским показателем *t, ti, de*. Оба показателя происходят от показателя множественного числа **tV* ($\sim *t$) южносамодийского праязыка.²⁶

Известно, что в северносамодийских, саамском и прибалтийско-финских языках множественное число на *i* выступает, как правило, только в косвенных падежах. Но в камасинском и селькупском языках оно наличествует и в номинативе. По всей вероятности, показатель **jV* ($\sim *j$) проник в номинатив из косвенных падежей, а первичным показателем множественного числа в номинативе южносамодийских языков был **tV* ($\sim *t$).²⁷ Проникновение могло произойти уже в южносамо-

¹⁸ Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград 1937, стр. 102, 105; A. J. Joki, Eine Untersuchung über das Objekt in den uralischen Sprachen. — FUFAnz. XXXII 1956, стр. 33; G. Prokojiew, Materialien zur Erforschung der ostjak-samojedischen Sprache. — UJb. XI 1931, стр. 95; A. Schiefner, указ. раб., стр. 141—142, 308.

¹⁹ A. Schiefner, указ. раб., стр. 308.

²⁰ J. Mark, Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen I (= MSFOu LIV), Helsingfors 1923, стр. 53.

²¹ B. Collinder, Indo-uralisches Sprachgut. — UUA 1934, стр. 28; ср. его же, Comparative Grammar, стр. 301—302.

²² Ср. B. Collinder, Comparative Grammar, стр. 111; H. Paasonen, Beiträge zur finnischugrisch-samojedischen Lautgeschichte, Budapest 1917, стр. 18—22, 275—281.

²³ Ср. B. Collinder, Proto-Lappish and Samoyed. — Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala Förhandlingar 1952—1954, стр. 98.

²⁴ Ср. его же, Comparative Grammar, стр. 111, 297, 299; H. Paasonen, указ. раб., стр. 275—281, 287.

²⁵ A. J. Joki, Eine Untersuchung über das Objekt, стр. 33, 37; T. Lehtisalo, Über die primären uralischen ableitungssuffixe (= MSFOu LXXII), Helsinki 1936, стр. 150—151; P. Ravila, Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. — FUF XXVII 1941, стр. 103—104.

²⁶ Ср. B. Collinder, Comparative Grammar, стр. 80, 133—134, 297—299; P. Hajdú, Noch einmal über die Stimmbandverschlusslaut, стр. 254; H. Paasonen, указ. раб., стр. 18—22, 70—76. Имеется предположение, что показатель множественного числа **t* в уральских языках тоже происходит от собирательного суффикса, см. П. Алврэ, указ. раб., стр. 18.

²⁷ Ср., например, B. Collinder, Proto-Lappish and Samoyed, стр. 95—98; P. Ravila, указ. раб., стр. 92—97, 102—105.

дейском праязыке. В номинативе камасинского языка образовался двойной показатель $je' < *jV + *t$, чему несомненно способствовала грамматическая аналогия с другими формами множественного числа на $' < *t$, широко распространенными в камасинском языке, например, (Д) *bospa-' wir selbst*, *turāla-' ueer (mehrere) Haus*, *uzūbilē-' (2-ое л. мн. ч. прошедшего времени изъявительного наклонения от *uzūlēm 'fallen*)*. Эта аналогия не позволила показателю $je < *jV$ вытеснить показатель $' < *t$ из номинатива, или же на основе этой аналогии вытесненный $' < *t$ был снова присоединен к оформленному при помощи $je < *jV$ номинативу. Из номинатива $' < *t$ в составе слитного показателя проник позже и в косвенные падежи, например, (Д) *mād'-i^p-γān* (лок. мн. ч. от *mā' 'Zelt*: ном. мн. ч. *mād'-i^p*).

М. А. Кастрен считал, что показатель множественного числа *saŋ* и т. д. в камасинском языке — неизвестного происхождения, но предполагал все же, что его можно объединить с показателем множественного числа *sam, zam* в чувашском языке и рассматривать как тюркское заимствование.²⁸ Б. Мункачи предполагал, что камасинский *saŋ* и т. д. происходит от какого-нибудь не известного нам слова, которое обозначало когда-то «множество».²⁹ А. Й. Йоки указывает, что камасинский *saŋ* и т. д. имеет в селькупском языке соответствие (Д) *-saŋ, -šag, -šəŋ, -šəŋ*, например, *maŋ kuma-šəŋ idža 'ich bin von den Menschen genommen*', которое происходит, по его мнению, от собирательного суффикса, о чем свидетельствуют такие примеры, как *pōl-šag (< *ŋ) 'Wald*' (точнее 'die Bäume').³⁰

Мы считаем, что камасинский *saŋ* и т. д. и селькупский *saŋ* и т. д., несомненно, одного происхождения. Их общий исходный суффикс был, по всей вероятности, неуральского происхождения, но мог наличествовать уже в южносамодийском праязыке. Данные селькупского языка позволяют предположить, что этот исходный суффикс первоначально был собирательным.

Единственный суффикс, с которым, на наш взгляд, можно соединить рассматриваемый южносамодийский суффикс, — это показатель множественного числа *sam, sem, zam, zem* в чувашском языке,³¹ особенно если иметь в виду нижеследующие предположения о происхождении этого чувашского показателя. Л. Патрубань считал его последователем общетюркского слова **san* 'число'.³² Б. Мункачи связывал со словом **san* и венг. *számos* 'многочисленный'.³³ Г. И. Рамstedт предполагал, что чув. *sam* и т. д. $< san, sen$ или *saŋ, seŋ < более древнее тюркское *sajŋ (< sa, saj* 'считать').³⁴*

Камасинский показатель множественного числа имен существительных *saŋ* и т. д. намного моложе показателя je' и т. д. Это доказывается присоединением рассматриваемых показателей к различным основам имен существительных, о чем говорилось выше: je' и т. д. присое-

²⁸ A. Schiefner, указ. раб., стр. 109, 179.

²⁹ B. Munkácsi, указ. раб., стр. 242—243.

³⁰ A. J. Joki, Eine Untersuchung über das Objekt, стр. 37.

³¹ Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание, Москва 1957, стр. 61; Языки народов СССР II. Тюркские языки, Москва 1966, стр. 47, 49.

³² L. Patrubány, A csuvas többesszámról. — NyK XVII. 1881—1883, стр. 160.

³³ B. Munkácsi, указ. раб., стр. 244.

³⁴ Г. И. Рамstedт, указ. раб., стр. 34.

диняется, как правило, к гласной, а *saŋ* и т. д. — всегда к согласной основе.

Понятия гласной и согласной основ при анализе структуры камасинского языка введены нами. Имена существительные в этом языке мы делим на одноосновные и двухосновные. Первые имеют только гласную, а вторые — как гласную, так и согласную основу. Гласная основа двухосновных слов встречается лишь в абсолютном склонении, выступая перед падежными окончаниями генитива и аккузатива, а также перед показателем множественного числа *je'* и т. д. Во всех остальных формах склонения двухосновных имен существительных употребляется согласная основа. Приведем в качестве примера употребления гласной и согласной основ склонение двухосновного существительного (К) *khürüp* 'Grube': 1) абсолютное склонение: ед. ч. *khürüp* (ном.), *khürübü-n* (ген.), *khürübü-m* (акк.), *khürüp-tü* (лат.), *khürüp-kün* (лок.), *khürüp-kü'* (абл.), *khürüp-se'* (инстр.), мн. ч. *khürübü-je'*, *khürüp-saŋ* (ном.), 2) посессивное склонение: ед. ч. с посессивным суффиксом 1-го лица ед. ч. *kürüp-pü* (ном.-ген.-акк.), *kürüp-küni* (лат.-лок.) и т. д., ед. ч. с посессивным суффиксом 2-го лица ед. ч. *kürüp-lü* (ном.-ген.-акк.), *kürüp-künän* (лат.-лок.) и т. д.; мн. ч. с посессивным суффиксом 1-го лица ед. ч. *kürüp-saŋbä* (ном.-ген.-акк.), *kürüp-saŋgäni* (лат.-лок.) и т. д.

На первый взгляд может показаться, что гласный, выступающий перед падежными окончаниями генитива и аккузатива единственного числа абсолютного склонения двухосновных существительных, здесь появляется во избежание нецелесообразного стечения конечного согласного основы с падежными окончаниями генитива *n* и аккузатива *m* (в нашем примере *p-n*, *p-m*), будучи, следовательно, вторичным. М. А. Кастрен так и называет его вспомогательным и соединительным.³⁵ Но следует учесть, что подавляющее большинство исконных существительных камасинского языка с согласной основой первоначально имели только гласную основу.³⁶ Проиллюстрируем это утверждение. Во-первых, (Д) *miť* 'Leber': *miđä-n* (ген. ед. ч.). У этого камасинского существительного есть этимологические соответствия во многих уральских языках, причем конечный гласный основы может выступать и в абсолютном конце слова, например, сельк. (К) *mite*, *mide*, *miđä*, *miđ*, *mid*.³⁷ Во-вторых (Д) *bēgäl*, *bēgäl*, *bēgäl*, *bēl* 'Rücken, Wirbelsäule': *bēgälä-n* (ген. ед. ч.). На конце слова наличествует деривационный суффикс *IV уральского праязыка.³⁸

Позже первичная гласная основа одной части исконных камасинских существительных в одних формах склонения перешла в согласную основу (т. е. утратила свой конечный гласный), а в других сохранилась. Сохранилась она перед суффиксами-предшественниками падежных окончаний генитива *n* (*n или *nV), аккузатива *m* (*m) и показателя множественного числа *je'* и т. д. (*jV).³⁹ Этот факт говорит о древ-

³⁵ А. Schiefner, указ. раб., стр. 67, 180.

³⁶ См., напр., В. Collinder, Comparative Grammar, стр. 204—205; P. Hajdú, Über den Umfang des uralischen Wortschatzes. — Zweiter Internationaler Finnougristenkongress. Helsinki 23.—28. 8. 1965. Referate der Vorträge und Mitteilungen, стр. 30; Т. Lehtisalo, Über die primären uralischen ableitungssuffixe, стр. 2—3.

³⁷ В. Collinder, Fenno-Ugric Vocabulary, Stockholm 1955; Н. P a a s o n e n, указ. раб., стр. 238.

³⁸ Ср. Т. Lehtisalo, указ. раб., стр. 2, 148.

³⁹ Говоря о суффиксах-предшественниках этих камасинских суффиксов, мы считаемся с возможностью, что функции суффиксов-предшественников в отдаленные времена перехода гласной основы в согласную основу могли не совпадать с функциями

ности этих трех суффиксов: они были присоединены к именам существительным до перехода гласной основы в согласную. И все же мы учитываем возможность предположения, что перед падежными окончаниями генитива *n* и аккузатива *m* в камасинском языке выступает не первичная гласная основа, а вторичный гласный. Дело в том, что *n* и *m* отличаются от остальных падежных окончаний камасинского языка: они состоят лишь из одного согласного (формула C), в то время как остальные можно изобразить в виде формул CV (редко ~C), CVC. Следовательно, остальные падежные окончания образуют слог и при них нет необходимости избегать стечения конечного согласного основы с начальным согласным падежного окончания, ср. например, (К) *khür-rüp-tü* (лат.), *khürüp-kün* (лок.) и т. д., но *khürübü-n* (ген.), *khürübü-m* (акк.) (вместо *p-n*, *p-m*).⁴⁰

Но исходная формула камасинского показателя множественного числа *je'* и т. д. (*jV) — также CV. Несмотря на это, показатель присоединяется к гласной основе двухосновных имен существительных. На наш взгляд, ни в камасинском, ни в других самодийских языках нет ни одного явления, по аналогии с которым перед рассматриваемым показателем мог бы образоваться вторичный гласный, что подтверждает наше предположение о древности этого суффикса.

Суффикс *saŋ* и т. д., наоборот, был присоединен к именам существительным после перехода первичной гласной основы в согласную и, следовательно, он моложе суффикса *je'* и т. д.

Проследим присоединение обоих камасинских суффиксов к именам существительным на примере слов (Д) *mă', mǎ', mǎ'* 'Zelt': *mădə-n*, *mǎä-n*, *mā-n*, *ma-n mǎ-n* (ген. ед. ч.), которое происходит от *māttV самодийского праязыка.⁴¹ Показатель *je'* и т. д. присоединен к первичной гласной основе, например, *mădə-ĩ^p-γǎn* (лок.), а показатель *saŋ* и т. д. — к вторичной согласной основе, например, *mǎ'-zǎŋ* (ном.).

Сильное усечение основы перед показателем *saŋ* и т. д. в формах множественного числа слов «ребенок» и «девочка» объясняется, видимо, стремлением показателя присоединяться к согласным основам, которое порождено частым присоединением его именно к таким основам. Усечение рассматриваемых основ могло, следовательно, произойти, например, так: (Д) *ko^bdo* + *saŋ* и т. д. > **ko^bd-saŋ* > *k'op-saŋ*.

По примеру сохранившихся в генитиве и аккузативе и во множественном числе первичных гласных основ при двухосновных существительных образовались вторичные гласные основы в тех же формах склонения, например, в слове (К) *kozan* 'Hase', которое заимствовано из тюркских языков с основой только на согласный, ср. например, качУг⁴² (Д) *ķoza-n* 'Hase'⁴³; ед. ч. *kozane-n* (ген.), *kozane-m* (акк.), *kozan-de* (лат.), мн. ч. *kozane-je'*, *kozan-zaŋ* (ном.).

своих последователей. Так, например, *n мог в те времена выполнять предположительно совсем другую функцию, чем генитивная, ср., напр., I. N.-Sebestyén, Zum Problem des samojedischen und des uralischen Genitivs. — MSFOu 125 1962, стр. 548.

⁴⁰ Все сказанное о гласной и согласной основах камасинского языка в общих чертах относится и к остальным самодийским языкам, в первую очередь к энецкому и нганасанскому, см., например, Языки и письменность народов Севера I, стр. 61—62, 80, 102—103; Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва 1966, стр. 421—423, 442—444.

⁴¹ I. N.-Sebestyén, Die possessiven Fügungen im Samojedischen, стр. 273—280; B. Collinder, Fenno-Ugric Vocabulary; Н. Раасонен, указ. раб., стр. 73—76.

⁴² Угумоговский вариант качинского диалекта хакасского языка.

⁴³ A. J. Joki, Die Lehnwörter des Sajansamojedischen (= MSFOu 103), Helsinki 1952, стр. 197—198.

Скудность соответствующих данных не позволяет получить сколько-нибудь удовлетворительного представления о том, как присоединяются к основе селькупские показатели множественного числа *ji*, *i*, *i* и *saŋ* и т. д. Но поскольку эти показатели общего происхождения с камасинскими показателями *je'* и т. д. и *saŋ* и т. д., то на основе данных камасинского языка можно считать, что и в селькупском языке *saŋ* и т. д. моложе, чем *ji*, *i*, *i*. Что касается южносамодийского праязыка, то в нем, если камасинский *je'* и т. д. и селькупский *ji*, *i*, *i* можно действительно этимологически соединить (а это весьма и весьма вероятно), обязательно наличествовал общий для обоих показателей исходный суффикс. Но общий исходный суффикс камасинского *saŋ* и т. д. и селькупского *saŋ* и т. д. мог в нем и отсутствовать, так как этот суффикс, по известным нам данным, не имеет этимологических соответствий в северносамодийских языках, выступая и в селькупском, видимо, редко.⁴⁴

С этими обстоятельствами не считаются А. Дрегваль и А. Матвеев, когда пишут: «Не затрагивая в целом проблемы происхождения формата *zaŋ*, заметим предположительно, что в камасинском языке форматив *i* является, по-видимому, результатом влияния других южносамодийских языков».⁴⁵ Цитированное выражение представляется нам неясным. Но на основании статьи в целом складывается впечатление, что авторы считают показатель *saŋ* и т. д. более древним, чем *je'* и т. д. и, кроме того, показатель *je'* и т. д. заимствованием из других южносамодийских языков. Или же они хотят сказать, что под влиянием названных языков какой-либо иной камасинский суффикс преобразовался в показатель множественного числа? Для подобных предположений, на наш взгляд, повода нет. Выше было уже сказано о необедительности семантических доводов А. Дрегваль и А. Матвеева. Но и в том случае, если в камасинском языке действительно наличествовали бы предполагаемые ими закономерности, этого было бы все же недостаточно для отрицания исконного происхождения показателя множественного числа *je'* и т. д.

Привлекает внимание то обстоятельство, что показатель *je'* и т. д. в камасинском языке выступает только в абсолютном склонении, а его этимологическое соответствие *ji*, *i*, *i* в селькупском языке — только в посессивном. Данные селькупского и северносамодийских языков⁴⁶ позволяют выдвинуть предположение о том, что показатель множественного числа **jV* выступал в камасинском языке первоначально и в посессивном склонении.

Показатель множественного числа имен существительных *lar*, *lar* в камасинском языке — явно тюркского происхождения.⁴⁷ Он был заимствован в составе единичных имен существительных и не получил в камасинском языке более широкого распространения.⁴⁸

⁴⁴ А. J. Joki, Eine Untersuchung über das Objekt, стр. 33.

⁴⁵ А. А. Дрегваль, А. К. Матвеев, указ. раб., стр. 43. Они обозначают показатель *je'* и т. д. почему-то символом *i*. (Форма *i* является одним из поздних вариантов этого показателя).

⁴⁶ Ср. J. Ankeria, Über methodische Fragen der uralischen Sprachforschung. — Språkvetenskapliga Sällskapets i Uppsala Förhandlingar 1955—1957, стр. 11—12; А. J. Joki, Eine Untersuchung über das Objekt, стр. 22, 40; В. Wickman, указ. раб., стр. 148.

⁴⁷ Ср. А. А. Дрегваль, А. К. Матвеев, указ. раб., стр. 41; Г. И. Рамстедт, указ. раб., стр. 60.

⁴⁸ Основу одного из таких заимствованных существительных (Д) *mådor-lar* П. Хайду считает исконным самодийским словом, P. Hajdú, Die Benennungen der Samojedien. — JSFOu LIV, 1948—1950, стр. 89, 92—93; но ср. А. J. Joki, Die Lehnwörter des Sajansamojedischen, стр. 222—223, где убедительно доказывается тюркское происхождение этого слова.

Сокращения

А — данные по камасинскому языку, записанные автором настоящей статьи; **Д** — данные, записанные К. Доннером: по камасинскому языку в труде A. J. Joki, Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, Helsinki 1944; по селькупскому языку в статье A. J. Joki, Eine Untersuchung über das Objekt in den uralischen Sprachen. — FUFAnz. XXXII 1956, стр. 1—41; по угумаковскому варианту качинского диалекта хакасского языка в труде A. J. Joki, Die Lehnwörter des Sajansamojedischen (= MSFOu 103), Helsinki 1952; **К** — данные по камасинскому и селькупскому языкам, записанные М. А. Кастреном, в трудах A. Schiefner, M. Alexander Castrén's Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1854; его же, M. Alexander Castrén's Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1885; **П** — данные по селькупскому языку, записанные Г. Прокофьевым, в трудах Г. Прокофьев, Селькупская (остяко-самоедская) грамматика, Ленинград 1935; его же, Селькупский (остяко-самоедский) язык. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград 1937, стр. 91—125; G. Prokofjew, Materialien zur Erforschung der ostjak-samojedischen Sprache. Die Tasovsche Mundart. — UJb. XI 1931, стр. 91—98, 293—297, 440—452.

AGO KUNNAP (Vana-Kuuste)

PLURAL MARKERS OF THE NOUN IN KAMASSIAN

The aim of the paper is to describe plural markers of the noun in Kamassian, their use and origins. The comparative analysis deals mainly with southern Samoyed languages, going back only to Proto-Southern-Samoyed. The sources of the linguistic material can be found in the list of abbreviations at the end of the paper.

The noun in Kamassian has three plural markers:

1. *je'*, etc. This marker is used in absolute declination. As a rule, it is added to the vocalic stem of the noun, preceding the endings of oblique cases, e. g. *nume-je-n* (lat. pl. from *num* 'Donner': gen. sing. *nume-n*). The original form of the marker *je* (in the nominative), *je* (in oblique cases) has given a number of later derivatives.
2. *saŋ*, etc. is used both in absolute and possessive declination. It is added to the consonant stem of the two-stem nouns, preceding case endings and possessive suffixes, e. g. *kader-zaŋ-de* (lat. pl. from *kader* 'Flügel': gen. sing. *kadere-n*).
3. *lar* occurs only in a few words where the other markers are not used, e. g. *mādor-lar* 'die Motoren, das Motorenvolk' (from *mādor* 'Motor-Samojede').

As a rule, both *je'*, etc. and *saŋ*, etc. can be used in absolute declination. The only general difference between their uses is that *je'*, etc. cannot be applied in possessive declination.

The plural marker *je* in Kamassian can be connected etymologically with the plural marker of nouns *ji, i, i* in Selkup and derives from the plural marker **jV* (~*j) in Proto-Southern-Samoyed. The latter may derive from the collective suffix. The last component *ʹ* of the marker *je'* (which could originally be used only in the nominative) can be connected with the plural marker *t, ti, de* in Selkup and derives from the plural marker **tV* (~*t) in Proto-Southern-Samoyed.

The Kamassian marker *saŋ*, etc. can be connected with the plural marker of nouns *šaŋ, šaŋ, šəŋ, šəŋ* in Selkup. Both markers take their common origin either from a suffix in Proto-Southern-Samoyed or from a non-Uralic source. At any rate, the original suffix was distinctly non-Uralic and can perhaps be regarded in connection with the plural marker *sam, sem, zam, zem* in Chuvash.

The Kamassian *lar* obviously derives from Turkish languages. It has come into Kamassian together with certain loan-words and has not received a wider application.

The Kamassian *saŋ*, etc. has probably come into being later than *je'*, etc. This can also be seen from the differences in how they are added to the stem, as adding the marker to the vocalic stem must be considered more ancient (the vocalic stem has namely retained the original end-vowel). Originally, the marker *je'*, etc. was probably also used in possessive declination.